

КОРОТКО О КНИГАХ

*

ДЖЕЙМС ДЖОЙС. Улисс. Роман. Перевод с английского В. Хинкиса и С. Хоружего. «Иностранная литература», 1989, № 1—12.

В потоке новых захватывающих публикаций отечественной литературы почти незамеченным оказался первый полный перевод Джойсова «Улисса». А ведь этого события заждались. Давно отгремели на Западе бои вокруг «скандального» произведения, возмущавшего в 20—30-е годы разного рода «непристойностями» и «кошмарами» блюстителей литературного и нравственного этикета. Р. Олдингтон осудил ирландского коллегу за «ненависть к человечеству» и «отвращение к человеческому телу», Г. Уэллс увидел в романе всего лишь «литературный эксперимент», ведущий прямым в тупик. Более десяти лет после выхода в 1922 году «Улисс» подвергался цензурным гонениям в Англии и США за «нарушение приличий».

Если б не политические обстоятельства, Джойс мог бы надеяться на более благоприятный прием в России. Ведь «Петербург» А. Белого явно превосходит книгу о Блуме и Дедалусе своей идейно-художественной структурой: образные системы обоих романов пронизаны многоуровневой символикой, объемлющей микро- и макрокосм, быт и апокалиптику. Разнообразные параллели Джойсу можно найти в ранней советской литературе — это ассоциативно-символическая проза Б. Пильняка, безудержный разлив речевой стихии у Артема Веселого, «роскошные» грубоности Бабея и многое другое. На волне этого дружеского интереса к зарубежному новатору-классику и началось печатание «Улисса» в журнале «Интернациональная литература» в 1935—1936 годах. Над сложнейшей задачей дать адекватный русский текст романа трудилась целая бригада талантливых молодых переводчиков — Н. Волжина, Е. Калашникова, И. Кашкин, В. Топер и другие. Но дело не было доведено до конца: Джойс, как и многое иное, оказался не ко двору. И лишь с конца 50-х известность его снова стала доходить до нас, но лишь как свет отдаленной звезды. Новое поколение советских авторов училось тогда у Хемингуэя, усвоившего кое-что из джойсовской техники потока сознания. Это было подражание подражанию. Увлекались внутренним монологом в 70-е годы литовские романисты Й. Авижюс, В. Бубнис и М. Слуцкис, но этот опыт не подкреплялся в их творчестве концепцией свободной личности.

И все-таки логика художественного развития брала свое. Уже в последние годы стали появляться крупные произведения Ч. Амирэджиби, О. Чиладзе, А. Кима, А. Би-

това, в которых — скорее всего независимо от интенций авторов — все органичнее проступают качества, которые могли бы оказаться близкими творцу «Улисса»: расширяющееся разнообразие форм субъективной речи, ее интеллектуализация и т. п.

Знакомство с русским переводом романа Джойса поможет нашим писателям обрести некоторые ориентиры в безбрежном море современной романной прозы. Они увидят, что в вершинных своих проявлениях модернизм — это не хаос и не набор отдельных приемов вроде того же «потока сознания», а некая, пусть и с великим трудом достигаемая, целостность, в которой тягеловесность и герметичность многих образов, их натуралистичность или, наоборот, экзотичность уравниваются особыми глубинными эффектами: виртуозно строгой ритмической повествовательности, его символической сверхконцентрацией, позволяющей автору в одни сутки романного действия, в пределах одного города втиснуть почти всю историю человечества.

Конечно, такой титанически дерзкий эксперимент в искусстве не мог обойтись без издержек. И чем дальше отстоит читатель от реалий, изображаемых или подразумеваемых писателем, от культуры, его взрастившей, тем труднее адресату джойсовского текста обходиться без комментариев к книге. К счастью, таковые в журнальной публикации есть; хотелось бы, чтобы эти комментарии, составленные Е. Гензиевой, были еще более детальными, и это единственное к ним замечание.

Что касается перевода В. Хинкиса и С. Хоружего, то прежде всего надо отметить колоссальность проделанного ими труда. Конечно, им было легче, чем их предшественникам, но все равно сколько же понадобилось им выдумки, эрудиции, лингвистического чутья, чтобы передать все лексическое изобилие романа, его прихотливо-гибкую фразировку, его многоязычие, богатство его пародийно-стилизаторских оттенков и многожанровость.

Есть правда, в новом переводе один существенный недостаток, вызванный таким объективным обстоятельством, как большая краткость английских слов по сравнению с русскими. Поэтому русский Джойс подчас звучит более вяло, чем в оригинале. Так, первая фраза из отрывка «Как говаривал Везерап» (седьмой эпизод «Эол») в русском тексте имеет 32 слога, в то время как ее английский эквивалент равен 21 слогу, на целую треть меньше! Но о переводе в целом нужен особый разговор. Главное же в том, что наши читатели имеют наконец своего «Улисса», одну из великих книг мировой литературы.

В. Вахрушев,